

**Комната с шариками**  
**В соавторстве с Эммой Бирчем и Максом Шафером**  
**© Перевод Н. Екимова**

Нанимает меня не магазин. Не они платят мне зарплату. Я охранник, но у моей фирмы с ними постоянный контракт, так что я тут почти с самого начала. Многих уже знаю. Правда, мне случалось работать и в других местах, — да и сейчас, бывает, подрабатываю, недолго, — но до недавнего времени я считал, что лучше всего здесь. Приятно работать там, куда люди идут с радостью. До недавнего времени, когда кто-нибудь спрашивал меня, чем я зарабатываю на жизнь, я отвечал, что работаю в этом магазине.

Стоит он на краю города, здоровая такая металлическая коробка — склад. Внутри около сотни комнат-декораций, они соединены сквозным проходом, а в них образцы мебели, которую мы продаем, собраны и расставлены, как будто в настоящем доме, чтобы люди представляли, как это все должно выглядеть. Большая часть товара, разобранная и упакованная, лежит штабелями в самом складе, откуда люди ее и забирают. Мебель у нас недорогая.

Я-то здесь больше для виду, конечно. Ну, как же, расхаживает туда-сюда мужик в форме, руки за спину, поглядывает: и покупателям спокойнее, и мебель под присмотром. Хотя что тут у нас стащишь, товар-то громоздкий. Так что я редко во что-нибудь вмешиваюсь.

В последний раз пришлось вмешаться как раз в комнате с шариками.

По выходным у нас тут чистый сумасшедший дом. Народу — не протолкнуться: сплошь молодожены и пары с колясками. Мы стараемся облегчать людям жизнь. У нас есть дешевое кафе и бесплатная парковка, а самое главное — ясли. Они на втором этаже, сразу от входа по лестнице. А рядом с ними, точнее, прямо за ними — комната с шариками.

Стены в ней почти сплошь из стекла, так что из магазина можно заглядывать к ребятишкам. Покупатели любят наблюдать за детьми: у стеклянной стены всегда стоят люди, смотрят внутрь и лыбятся, как больные. А я приглядываю за теми, кто не очень-то похож на родителей.

Она небольшая, эта комната. Так, тупичок отгороженный. И старая. Внутри лазалка, вся такая перекрученная, узловатая, с сеткой из настоящей веревки, — вдруг кто упадет, — и домики Венди, и картинки на стенах. А еще она разноцветная. Весь пол в ней на пару футов в глубину засыпан гладкими пластмассовыми шариками.

Когда ребятишки падают, то шарики принимают их, вроде подушки. Шары им до пояса, и детишки любят бродить в них, как люди во время потопы. А еще любят загрести обеими руками побольше шаров и подбросить их вверх, чтобы они сыпались всем на головы. Размером они как теннисный мяч, только пустые внутри и легкие, так что это не больно. С тихим звуком, похожим на «пудда-гудда», шарики ударяются о стены, отскакивают от детских голов, а ребятишки хохочут.

Я никогда не мог понять, чего они так заливаются. И чем вообще комната с шариками лучше обычной игровой комнаты. Но дети ее просто обожают. Внутрь пускают по шесть человек зараз, и ребятища готова часами стоять в очереди, лишь бы попасть туда. Но внутри у них всего двадцать минут. И когда наступает время уходить, видно, что они отдали бы все на свете, лишь бы остаться там подольше. Иные ревут, когда их забирают, и тогда друзья, с которыми они познакомились только что, тоже плачут, видя, как те уходят.

Я был на перерыве, читал книжку, когда меня вдруг позвали в комнату с шариками.

Шум и крики были слышны еще из-за поворота, а когда я обогнул его, то увидел у стеклянной стены толпу народа. Какой-то дядька прижимал к себе своего сынка и орал на ассистентку, которая работала с детьми, и менеджера магазина. Парнишке было лет пять, с такого возраста только начинают пускать в комнату с шарами. Он стоял, вцепившись в отцовскую штанину двумя руками, и громко всхлипывал.

Ассистентка, Сандра, изо всех сил сдерживала слезы. Ей самой-то всего девятнадцать.

Дядька кричал ей, что она, мать ее разэдак, не умеет делать свою работу, что в комнате слишком много ребятишек и они творят там, что хотят. Он так завелся, что размахивал руками совсем как актер в немо кино. Если бы сынишка не висел у него на ноге, как якорь, то он бы, наверное, стал бегать туда-сюда.

Наш менеджер спокойно, без крика и оскорблений, объясняла ему ситуацию. Я встал у нее за спиной — так, на всякий случай, вдруг бы тот тип бросился на нее с кулаками, — но она его уже почти утихомирила. У нее это хорошо получается.

— Сэр, как я уже говорила, мы вывели детей из комнаты сразу, как только это случилось с вашим мальчиком, и расспросили всех...

— Вы даже не знаете, кто из них это сделал. Если бы за ними тут присматривали, в чем, как я полагал, и состоит ваша работа, то я не обвинял бы вас сейчас... в непрофессионализме.

Похоже, больше у него в запасе ничего не было, потому что, выпалив эти слова, он вдруг умолк, как и его сынишка, который смотрел на отца снизу вверх с новым, опасливым уважением.

Менеджер еще раз повторила, что очень сожалеет о случившемся, и предложила мальчику мороженое. Скандал не состоялся, но когда я повернулся, чтобы уйти, то заметил, что Сандра все же плачет. Мужчину

смущенно переминался рядом с ней с ноги на ногу и даже, похоже, готов был извиниться, но она так расстроилась, что ничего не замечала.

Тот мальчик играл за лазалкой, в уголке между стеной и домиком Венди, рассказывала мне потом Сандра. Он зарывался в шары, пока не спрятался в них целиком, — некоторым ребятишкам это нравится. Сандра то и дело поглядывала в тот угол, но шары все время двигались, и она считала, что мальчишка под ними в порядке. Пока он не выскочил оттуда с диким воплем.

Магазин всегда полон детей. Годовичков, которые только начинают ходить, обычно оставляют в яслях. Ребятишки постарше — лет восьми, девяти или десяти — ходят с родителями по магазину и сами выбирают себе занавески, постельное белье, а то и письменный столик с ящичками или что-нибудь другое. Ну, а те, которые между ними, норовят попасть в комнату с шариками.

Забавно наблюдать, как они карабкаются по лазалке, такие серьезные. Но чаще они смеются. Бывает, правда, что и обижают один другого, и тогда кто-то начинает плакать, но быстро успокаивается. Как у них это получается, ума не приложу: то, смотришь, раскроет рот и ревет, слезы по щекам градом, но тут же отвлечется на что-нибудь, забудет про свою беду и бежит играть дальше как ни в чем не бывало.

Играют они обычно кучкой, но, как ни заглянешь внутрь, почти всегда найдется какой-нибудь одиночка. Сидит себе, довольный, пересыпает шарики или бросает их сквозь дырки в лазалке, а то и ныряет в них, как утка. И никого ему больше не надо.

Сандра уволилась. После того случая прошло уже недели две, а она все не могла успокоиться. Я ничего не понимал. Хотел поговорить с ней, так она сразу в слезы. Объяснял ей, что тот дядька просто слетел в тот день с катушек, а она тут ни при чем, но она не слушала.

— Дело не в нем, — сказала она мне. — Ты не понимаешь. Я просто больше не могу быть там, в этой комнате.

Мне было ее жаль, но нельзя же принимать все так близко к сердцу. Куда это годится? Она говорила, что после того случая с мальчишкой не может расслабиться. Все время пытается следить за всеми детьми сразу. И постоянно их пересчитывает, аж голова кругом.

— Мне почему-то кажется, что их больше, чем должно быть, — жаловалась она. — Я их посчитаю — шесть, пересчитаю — снова шесть, и все равно такое чувство, как будто один лишний.

Может, ей стоило остаться и попроситься на работу только в ясли — прикреплять детишкам ярлычки с именами, записывать новичков, выписывать тех, кого забирают родители, менять пленку в камере наблюдения, — да только она не хотела. Детишки ведь любят комнату с шариками. И все время только о ней и говорят, жаловалась она. Она боялась, что они все время будут просить, чтобы она их туда пустила.

Детишки еще маленькие, так что иногда с ними случаются неприятности. Когда такое происходит, кто-то должен выгрести с этого места все шары, подтереть пол, а сами шары окунуть в воду с небольшим количеством отбеливателя.

Одно время такие вещи стали случаться особенно часто. Чуть не каждый день кто-нибудь да описается. Пока с лужицей разбирались, ребятишек выгоняли, а комнату закрывали.

— Я ни на минуту, да какую минуту, на секунду глаз с них не спускал, чтобы, если что, вовремя заметить, играл с ними, — жаловался мне другой ассистент. — И все равно, только они ушли — воняет. Прямо рядом с этим чертовым домиком, хотя ни один маленький паршивец к нему и близко не подходил.

Его звали Мэтью. Он ушел через месяц после Сандры. Я не знал, что думать. Понимаете, люди, которые идут на такую работу, обычно действительно любят детей, это видно. Их даже не пугает, что за ними то и дело приходится подтирать — то их тошнит, то они описались, то еще чего-нибудь. Только когда такие люди начинают уходить, понимаешь, до чего это на самом деле тяжелая работа. Мэтью, когда увольнялся, прямо с лица весь спал, серый был, как застиранная простыня.

Я спрашивал его, что случилось, но он ничего мне не сказал. Не знаю даже, знал ли он сам, в чем дело.

За детишками нужен глаз да глаз. Я на такой работе точно долго не выдержал бы. Это ведь стресс какой. Мало того, что дети непоседы, так они еще и мелкие. Я бы все время боялся кого-нибудь потерять или раздавить нечаянно.

После того случая на ясли как будто туча опустилась. Двое уволились. В самом-то магазине текучка — дело обычное, к ней уже все привыкли, но в яслях люди, как правило, держатся дольше. Туда ведь кого попало не берут, и в комнату с шариками тоже: чтобы работать с детьми, нужна специальная подготовка. Вот почему, когда воспитатели стали уходить, это сочли дурным знаком.

Я поймал себя на том, что мне хочется присматривать за детьми в магазине. Делая свой обход, я каждый раз чувствовал, как их много вокруг меня. И был готов к тому, что в любую минуту любому из них может понадобиться моя помощь. Ведь всюду, куда ни глянь, были дети. Веселые и довольные, как всегда, они

носились по комнатам-декорациям, прыгали на кроватях, садились за парты, собранные специально для них. Но теперь, наблюдая за их прыжками, я болезненно морщился — меня не оставляло ощущение, будто вся наша мебель, соответствующая строжайшим международным стандартам качества и безопасности, а то и превышающая их, затаилась и ждет своего часа. Уголок любого журнального столика предвещал черепно-мозговую травму, всякая лампа сулила ожог.

Я стал чаще обычного ходить мимо комнаты с шариками. Внутри задержанная молодая воспитательница или воспитатель вечно пытались собрать детей в кучу, а те носились вокруг, расталкивая волны глухо постукивающего цветного пластика, ныряли в домик Венди и бросали шарики на его крышу. Некоторые специально вертелись волчком, чтобы голова закружилась, и хохотали, так им было весело.

Комната явно шла детям во вред. Им, конечно, нравилось бывать там, но выходили они всегда слезливыми, усталыми, капризными. И ревели — так громко, как умеют только дети. Судорожно всхлипывая, они вцеплялись в пуловеры уносивших их родителей, когда наступало время. Так им не хотелось расставаться с друзьями.

Некоторые дети приходили сюда каждую неделю. Их родители не могли придумать, что бы еще купить. Послonyaвшись для вида по торговому залу, они выбирали какое-нибудь ситечко для заварки и усаживались в кафе, где пили чай, глядя в окно или разглядывая серые рекламные листовки, пока их чада получали свою дозу комнаты. По-моему, для них в этих регулярных визитах не было уже ничего приятного.

Их настроение передалось и нам. В магазине уже не было так радостно, как раньше. Некоторые даже говорили, что от комнаты с шариками слишком много хлопот и лучше бы мы ее закрыли. Но директор ясно дал понять, что этого не будет.

Ночные дежурства — куда от них деваться?

В ту ночь в смене нас было трое, и мы поделили между собой магазин. Время от времени мы делали обходы, а между ними сидели в комнате для сотрудников или в полутемном кафе, болтали или резались в карты, а на стене мелькал картинками приглушенный телевизор.

Мой маршрут выводил меня на улицу, на парковку, и я шел, выхватывая лучом фонарика куски асфальта впереди, грузная громада магазина сзади давила мне на плечи, по бокам шелестели черные шепотливые кусты, а за оградой то и дело проносились ночные машины.

Возвращался я через спальни, мимо фальшивых стен и сосновой мебели. Было почти темно. Редкие лампы горели вполнакала, плохо освещая кровати, в которых никто никогда не спал, и раковины, к которым не вели трубы. Я останавливался и слушал, но ни разу ничего не услышал, ни шороха, ни звука.

Тогда я договорился с парнями из смены и пришел на ночное дежурство с девушкой. Рука в руке мы с ней бродили по комнатам, как по сцене, готовой к началу спектакля, и выхватывали лучом моего фонарика из темноты то одно, то другое. Потом стали играть в дом, как дети: она выходила из душевой кабины, будто только что помылась, а я делал вид, что закутываю ее в полотенце, мы садились за кухонную стойку и делили между собой газету, как будто за завтраком. А потом нашли самую большую и самую дорогую кровать с роскошным пружинным матрасом, — точно такой же лежит рядом с кроватью, и из него вырезан кусок, чтобы все могли взглянуть, как он устроен.

Немного погодя она сердито сказала мне: «Хватит». Я спросил, в чем дело, но она, похоже, обиделась и ничего не ответила. Я довел ее до двери, которую открыл своей пластиковой карточкой, и вышел проводить ее на парковку, где одиноко ждала ее машина, и откуда я еще долго смотрел ей вслед. Отъезжая от магазина, она без всякой нужды кружила по пандусам и развязкам, так что прощание вышло долгим. Больше мы с ней не встречаемся.

Войдя на склад, я миновал металлические полки высотой футов тридцать. Звук моих шагов эхом отдавался от них, так что я шел, точно надзиратель по тюремному коридору. И представлял, как плоские пакеты с разобранной мебелью выстраиваются вокруг меня.

Я прошел через кухни, оттуда — к полутемному кафе и наверх, в неосвещенный холл. Мои напарники еще не вернулись: большая стеклянная стена притихшей комнаты с шариками не отражала света.

Было совсем темно. Я приблизил лицо к стеклу и стал разглядывать причудливый черный силуэт — я знал, что это была лазалка; домик Венди, маленький квадратик бледной тени, дрейфовал в море пластиковых шаров. Я включил фонарик и направил его луч в комнату. Стоило ему коснуться шаров, как они словно оживали, окрашиваясь в яркие клоунские цвета, но луч скользил дальше, и они снова падали в черноту.

Я сидел в яслях на воспитательском стуле, глядя на полукольцо из стульчиков для детей. Вокруг меня были темнота и тишина. Снаружи горел уличный фонарь, придавая оконному стеклу оранжевый оттенок, да каждую секунду или две, еле слышно шелестя шинами по асфальту, где-то далеко, за нашей парковкой, проезжал автомобиль.

На полу возле моего стула лежала книжка. Я поднял ее и раскрыл, светя себе фонариком. Это оказались сказки. «Золушка» и «Спящая Красавица».

Вдруг раздался звук.

Что-то тихо стукнуло.

И еще.

Шарики в комнате, это они так падали друг на друга.

Я вскочил и уставился в темноту соседнего помещения. Пудда-тудда, раздалось снова. Пару секунд я не мог сдвинуться с места, но потом все же подошел к окну, поднял над головой руку с включенным фонариком и стал светить внутрь. У меня перехватило дыхание, а еще вся кожа как будто стала вдруг на размер меньше.

Луч фонарика скользнул по лазалке, качнулся к окну напротив и проник в пустой коридор магазина, распугав тени. Я направил его вниз, на беспокойные шарики, и еще прежде, чем луч уперся в них, мне показалось, будто они дрогнули и едва заметно расступились. Как будто что-то ползло под ними.

У меня свело челюсти. Мой фонарь светил прямо на шары, и ни один из них не шевелился.

Я долго стоял и светил внутрь комнаты, пока фонарь в моей руке не перестал дрожать. Тогда я поводит им по стенам, осветил каждый предмет и, наконец, вздохнул с облегчением: на самом верху лазалки, с краю, примостились несколько шаров; значит, это наверняка оттуда свалился еще один шар и отскочил от других, внизу.

Я потряс головой, моя рука с фонарем опустилась, и комната снова погрузилась во тьму. И тут, в то краткое мгновение, когда тени уже снова ринулись внутрь комнаты, но еще не успели сомкнуться, ручеек ледяных мурашек пробежал у меня по коже: из домика Венди на меня снизу вверх смотрела маленькая девочка, а я смотрел прямо на нее.

Другие двое охранников так и не смогли меня успокоить.

Они нашли меня в комнате с шариками, я стоял и громко вопил: «На помощь!» Обе двери были распахнуты, и я горстями швырял шары в ясли и в коридор, где они разбегались по углам, со стуком прыгали по лестнице и закатывались под столики кафе.

Сначала я принуждал себя работать медленно. Я знал, что самое главное — не напугать девочку еще больше, ведь она и так уже наверняка напугана. Охрипшим горлом я каркнул какое-то веселенькое приветствие и шагнул внутрь, постепенно подводя луч моего фонарика к домику Венди, чтобы не ослепить ее, а сам не переставая болтал первую попавшуюся чушь, какая приходила на ум.

Когда я сообразил, что девочка, должно быть, снова залезла под шарики, то рассыпался в дурацких шуточках, делая вид, будто играю с ней в прятки. Хотя прекрасно понимал, что наверняка жутко пугаю ее, с моей-то фигурой, в форме, да еще с акцентом.

Но, когда я добрался до домика Венди, внутри никого не оказалось.

— Ее забыли! — вопил я, и когда они, наконец, поняли, о чем я, то дружно нагнулись и стали вместе со мной выгребать из комнаты шарики, только выдохлись они намного раньше, чем я. Вынося очередную охапку, я увидел, что они уже давно стоят и смотрят на меня.

Они не верили, что девочка действительно была в комнате и что она сбежала. Твердили, что наверняка увидели бы ее, что она никак не могла проскользнуть мимо них. Говорили мне, что я сумасшедший, но не мешали выносить шарики, так что я, в конце концов, очистил от них всю комнату, а они только стояли и глазели, пока не прибыла полиция, которую я заставил их вызвать.

Комната с шариками опустела. На полу у домика Венди темнело мокрое пятно — наверное, его не заметили ассистенты.

Несколько дней я не выходил на работу. Меня била дрожь. Я все время думал о девочке.

Я видел ее всего одно мгновение, пока ее не покрыла тьма. Ей было лет пять или шесть. Она была бледной и странно расплывалась, как будто я смотрел на нее сквозь воду. Одета в запачканную футболку, с картинкой мультяшной принцессы спереди.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, а ее лицо оставалось при этом пустым. Ее серые, короткие пальчики крепко вцепились в край домика Венди.

Полицейские никого не нашли. Они помогли нам собрать шары и закидать их обратно в комнату, а потом отвезли меня домой.

Теперь я все время думаю, случилось бы то, что случилось, если бы мне тогда кто-нибудь поверил, или все пошло бы по-другому? Хотя вряд ли. Когда я вернулся на работу несколько дней спустя, все уже произошло.

Прослужив в охране какое-то время, начинаешь особенно бояться двух вещей.

Первая, это когда ты прибываешь на место и обнаруживаешь там толпу взволнованных, напряженных людей: все орут, ругаются, одни толкаются, другие, наоборот, пытаются их успокоить. Из-за них ничего не видно, но ты сразу понимаешь — это непрофессиональная реакция на что-то плохое.

И вторая: из-за толпы также ничего не видно, но люди стоят неподвижно и почти молча. Такое встречается реже и всегда означает самое худшее.

Женщину и ее дочку уже увезли. Я видел все потом, в записи, на пленке из камеры слежения.

Малышка вошла в комнату с шариками во второй раз за несколько часов. Оба раза она играла одна, очень довольная, сидела в уголке, напевала что-то себе под нос и приговаривала. Двадцать минут уже истекли, и мать, загрузив в автомобиль новую садовую мебель, пришла за ней. Она постучала в стекло и улыбнулась, малышка встала и радостно заковыляла сквозь шары к матери, пока не поняла, что та ее забирает.

На пленке хорошо видно, как мгновенно меняется весь язык ее тела. Она дует, хнычет, потом вдруг поворачивается и бежит к домику Венди, где падает в шары. Мать не проявляет особенного нетерпения, она подходит к двери и начинает звать дочку, ассистентка стоит рядом. Видно, что они болтают.

Девочка сидит сама по себе, спиной к взрослым, и говорит что-то в пустой дверной проем домика Венди, демонстративно продолжая свою одинокую игру. Другие дети заняты своими делами. Кое-кто поглядывает с интересом: чем все кончится.

Наконец, мать теряет терпение и уже громко кричит дочке, чтобы та шла к ней. Девочка встает, оборачивается и поверх моря пластика смотрит на мать. В каждой руке у нее по шарiku, руки опущены вдоль тела, но вдруг она поднимает их, смотрит на них и на мать. Позже я слышал, что она сказала: «Не пойду. Я хочу остаться. Мы играем».

И она, пятясь, заходит в домик. Мать широкими шагами подходит к нему, наклоняется и заглядывает внутрь. Чтобы забраться в него, ей приходится опуститься на четвереньки. Ступни ее ног торчат наружу.

На пленке нет звука. Только когда видишь, как вздрагивают другие дети и как срывается с места ассистентка, понимаешь, что женщина кричит.

Ассистентка потом рассказывала мне, что когда она бросилась на помощь, то не могла растолкать шары, как будто они вдруг отяжелели. Дети все время лезли под ноги. Ей и другим взрослым, которые кинулись за ней, понадобилось необычайно много времени, чтобы преодолеть всего несколько футов от двери до домика Венди.

Женщину было никак не вытащить оттуда, и тогда они решили просто поднять дом и перенести его на другое место, но его стенки от рывка рассыпались.

Девочка задыхалась.

Ну, конечно, конечно, шары делаются большими, чтобы ни один ребенок не смог пропихнуть их в рот, но эта девочка как-то ухитрилась. Невозможно представить, как именно она это сделала, но шар вошел так глубоко и застрял так крепко, что его не могли вытащить. Девочка лежала на спинке, выкатив глаза, а ее ступни и ладошки заворачивались внутрь, навстречу друг другу.

На пленке видно, как мать подхватывает ее на руки и ударяет ладонью по спине, со всего размаху. Другие дети стоят вдоль стены и смотрят.

Кто-то из мужчин вырывает, наконец, малышку из рук матери и поднимает ее за ноги, головой вниз. В записи ее лицо видно нечетко, понятно только, что оно синее и что голова у нее болтается, как у тряпичной куклы.

В тот самый миг, когда мужчина, обхватив девочку обеими руками, прижимает ее к себе, под его ногами что-то движется, и он поскальзывается на шарах, не выпуская девочку из рук. Вместе они тонут в пластиковом море.

Детей перевели в другую комнату. По магазину уже, понятно, пошли слухи, сбежались родители. Когда прибежала первая мамаша, она застала такую картину: мужчина орал на детей в голос, а ассистентка его успокаивала. Он требовал, чтобы они сказали ему, куда девалась еще одна девчонка, та, которая подошла совсем близко и болтала ему под руку, пока он пытался помочь, и все время лезла ему под ноги.

Вот почему нам пришлось просмотреть пленку заново, чтобы понять, откуда та девочка взялась и куда подевалась. Но никакой девочки мы не увидели.

Я, конечно, пробовал перевестись в другое место, да только время тогда в нашем бизнесе было тяжелое. Как и во всех других тоже. Мне сразу дали понять, что если я не хочу остаться совсем без работы, то лучше сидеть тихо.

Комнату с шариками закрыли, сначала временно, до конца дознания, потом на «ремонт», после которого она еще долго стояла закрытой, пока шел спор о ее будущем. Так временное закрытие превратилось в постоянное, сначала неофициально, а потом и официально тоже.

Те родители, которые были в курсе того, что там произошло (ума не приложу, как они узнали), проходили мимо комнаты решительным шагом и, толкая перед собой коляски с пристегнутыми к ним

отпрысками, мрачно глядели в пол. Но дети скучали по шариковой комнате, это было видно по тому, как они поднимались с родителями по лестнице. Начиная с первой ступеньки, они думали, что идут в комнату, говорили о ней, вспоминали, какая там лазалка и какое все яркое и разноцветное, а потом, когда они видели закрытую дверь и стеклянную стену, оклеенную изнутри коричневой бумагой, начинались слезы.

Я, как почти все взрослые, делал вид, что комнаты просто не существует. Даже во время ночных дежурств, когда мне выпадало проходить мимо, я старательно отводил глаза. Да и зачем мне на нее смотреть, раз дверь опечатана? Тем более что внутри сохранялась все та же ужасная атмосфера, тягучая и липкая, как клей. На складе в разных местах установлены такие ящички с карточками, которые охранник должен заменять при каждом обходе — показать, что я тут был и свои обязанности выполнил. Так вот, когда я дрожащими руками заменял карточку возле комнаты с шариками, упорно глядя на стопку новых каталогов на верхней ступени лестницы, мне иногда казалось, что за спиной у меня раздается какой-то шелест и тихое «пудда-тудда», но я ведь знал, что это невозможно, так что незачем было и проверять.

Странно было думать, что комната с шариками закрылась насовсем. Что ни один ребенок не войдет туда больше.

Однажды мне предложили большой бонус за то, чтобы я задержался на складе после смены. Директор магазина представила меня мистеру Гейнзбур, из головного офиса. Причем оказалось, что она имела в виду вовсе не британскую сеть, а вообще самый главный офис, компанию-учредителя. Мистер Гейнзбур решил поработать на складе после закрытия и хотел, чтобы кто-то был поблизости.

Он появился уже после одиннадцати, когда я решил, что разница между часовыми поясами, должно быть, все же свалила его с ног и мне предстоит спокойное дежурство. Он был загорелый, хорошо одетый. И все время, читая мне лекцию о своей компании, он обращался ко мне по имени. Пару раз я порывался сказать ему, что не работаю в его компании и у меня другая профессия, но скоро понял, что он делает это не из высокомерия, и прикусил язык. Да и работу потерять не хотелось.

Он попросил меня провести его в комнату с шариками.

— Проблемы надо решать сразу, как только они возникают, — сказал он. — Вот главное правило, Джон, и, поверь мне, оно возникло не на пустом месте. Одна проблема тянет за собой другую. Упустишь одну мелочь, понадеешься, что все как-нибудь само рассосется,мотришь — мелочей уже две. Дальше — больше.

— Ты ведь давно здесь работаешь, да, Джон? Значит, ты видел комнату до того, как она закрылась. Дети просто без ума от этих комнатушек. Теперь они есть у нас в каждом магазине. С жиру бесимся, скажешь? Можно, мол, и без этого обойтись. Но вот что я тебе скажу, Джон, ребятишки любят эти комнаты, а они... в общем, ребятишки для нашей компании самое главное.

Тем временем я отпер дверь в комнату, закрепил ее так, чтобы она не закрылась, а потом мы вместе принесли снизу, из шоу-рума, складной столик.

— Ребятишки создали нас, Джон. Сорок процентов наших покупателей — это люди с маленькими детьми, и почти все они называют удобства, которые мы предоставляем родителям с детьми в наших магазинах, среди двух-трех главных причин, почему они вообще к нам приезжают. Не качество продукта. Не цену. А именно это — люди приезжают сюда на машинах всей семьей, паркуются, делают покупки, едят, одним словом, проводят выходной.

— О'кей, это одна причина. Плюс, выясняется, что люди, которые ходят по магазинам с детьми, больше обращают внимание на такие вещи, как качество и безопасность. На выбор каждого предмета они тратят, в среднем, больше времени, чем холостяки или бездетные пары, а все потому, что людям всегда хочется быть уверенными — для своих детей они выбрали все самое лучшее. Вот почему разница в уровне продаж дорогой мебели и товаров начального уровня у нас всегда выглядит лучше, чем у конкурентов. Ведь даже в семье с небольшим доходом, стоит только женщине забеременеть, расходы на мебель и прочую домашнюю утварь вырастают в разы.

Он внимательно посмотрел на пластиковые шары, очень яркие в свете потолочных ламп, которые не зажигались уже несколько месяцев, на обломки домика Венди в углу.

— Так на что же в первую очередь следует обратить внимание, если продажи в магазине вдруг пошли вниз? На удобства. На ясли, на детскую комнату. О'кей, ставим галочку. Но в вашем магазине продажи не просто пошли вниз, они упали буквально ниже плинтуса. Понятно, что сейчас все торговые точки показывают спад покупательской активности, но здесь, — не знаю, заметил ты или нет, — так вот, здесь люди не просто оставляют теперь меньше денег, здесь просел поток клиентов, а это уже ненормально. Так не бывает, обычно поток клиентов демонстрирует удивительную устойчивость даже во времена экономического спада. Да, люди меньше тратят, но в магазин-то они все равно приходят. А иногда — да, да, Джон, — иногда мы даже наблюдаем временное оживление.

— А что же у вас? Количество посещений заметно сократилось. В особенности среди покупателей с детьми. Повторных посещений в этой группе покупателей и вовсе не наблюдается. И так обстоят дела только в вашем магазине. Так почему же люди не возвращаются именно к вам? Что тут у вас такого особенного? Что изменилось в вашем магазине? — Он чуть заметно улыбнулся, его взгляд нарочито медленно скользнул

по комнате и остановился на мне. — Понятно? Родители по-прежнему оставляют детей в яслях, но дети уже не просятся сюда еще и еще, как раньше. Им явно чего-то не хватает. Ergo<sup>[5]</sup>. Поэтому. Надо это вернуть.

Он положил на стол свой дипломат и, криво усмехнувшись, раскрыл его.

— Сам знаешь, как это бывает. Говоришь, говоришь людям, что проблемы надо решать сразу, как только они возникают, да разве кто-нибудь слушает? А все потому, что не они латают потом прорехи, верно? Так вот и получается, что на месте одной проблемы возникают две. А значит, и справиться с ними становится вдвое сложнее. — И он огорченно покачал головой. Потом, прищурившись, снова осмотрел комнату, особенно углы. Сделал два глубоких вдоха.

— Ладно, Джон, спасибо, что помог. Мне надо поработать тут пару минут, о'кей? А ты пойди пока, посмотри телевизор, сделай себе кофе, съешь что-нибудь. Я сам тебя найду, скоро.

Я сказал ему, что буду в комнате для сотрудников. Повернулся и услышал, как за моей спиной щелкнула крышка дипломата. Уже в коридоре я прижался к прозрачной стене лицом и стал разглядывать, что же такое он вынул из дипломата. На столе стояла свеча, лежала какая-то фляжка и книга в черной обложке. И колокольчик.

Люди снова пошли в наш магазин. Так что рецессию мы переживаем на удивление гладко. Правда, от некоторых товаров класса люкс пришлось отказаться, зато расширился ассортимент самой простой мебели, из лакированной сосны. Кстати, в магазине даже появились новые служащие, и их количество превышает количество ушедших.

Детишки тоже довольны. Их одержимость шариковой комнатой не умирает. Теперь у входа, на высоте около трех футов от пола, висит бумажная стрела, она отмечает рост, и если ребенок оказывается выше этой отметки, в комнату его уже не пускают. Я видел, как дети буквально взлетали по лестнице, радуясь предстоящему свиданию с комнатой, но обнаруживали, что слишком выросли за прошедшие месяцы, и внутрь им уже нельзя. Так вот, они буквально бесновались оттого, что никогда больше не войдут в комнату с шариками, что их время вышло навсегда. И, знаете, по-моему, они готовы были отдать все на свете, прямо там, на месте, лишь бы вернуться. А другие дети, которые только-только проходили под мерку, смотрели на них и, наверное, тоже готовы были расстаться с чем угодно, лишь бы перестать расти и остаться такими навсегда.

Глядя на то, как они играют внутри, я иногда думаю, что вмешательство мистера Гейнзбура имело, по всей видимости, не только тот эффект, на который все надеялись. Дети так рвутся туда, к своим друзьям, снова и снова, что я начинаю думать — может, так и было запланировано?

Для детей комната с шариками — лучшее место в мире. Видно, что когда они не там, то они думают о ней, видят ее во сне. Им хотелось бы жить в ней. Хотелось бы, случись им когда-нибудь заблудиться, найти дорогу именно сюда. Поиграть в домике Венди, вскарабкаться на лазалку и рухнуть с нее вниз, где их примут в свои объятия безопасные и гладкие пластиковые шары, которые можно сколько угодно подбрасывать вверх или кидать ими друг в друга без риска причинить кому-то боль, — короче, навсегда остаться в комнате с шариками, словно в волшебной стране, где так весело играть в одиночку или с кем-то.